

4. Зубов А. В. Информационные технологии в лингвистике : учебное пособие для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2012.
5. Малявина А. Н. Информационные технологии в переводческой деятельности : учеб.-метод. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2014.
6. Захарова Т. В., Турлова Е. В. Практические основы компьютерных технологий в переводе : учебное пособие. Оренбург : ОГУ, 2017.
7. Теория и практика машинного перевода : учебное пособие / авт.-сост. Э. В. Пиванова. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014.
8. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 13 т. Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1888. Т. 13.
9. Black Males in US Edge Over Trump as Obama Loses Cool [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8zvJo7CD7rY> (дата обращения: 15.10.2024).
10. 2 Причины Русские Звучат Грубо На Английском! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fErq3FokuT8> (дата обращения: 15.10.2024).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА КАК ИСТОЧНИК СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛА (ТРИ БАСНИ И. КРЫЛОВА В ПЕРЕВОДАХ ГЕОРГИЯ РАЙЧЕВА НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ)

К. И. Иванов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Krasimirivanov10@gmail.com*

На основе сопоставительного анализа текстов басен И. А. Крылова «Любопытный», «Пруд и река» и «Крестьянин и смерть» и их болгарских переводов Георгия Райчева исследуются отношения семантической и функциональной адекватности между ними. Выявлены основные проявления сходств и различий в семантической и лексической структурах текстов. Представлены обоснования причин расхождений в связи с рецепцией оригиналов переводчиком и аудиторией принимающей литературы.

Ключевые слова: переводческая интерпретация оригинала; семантическая адекватность; модификация смысловых акцентов; прагматическая адаптация.

Мастерство И. А. Крылова-баснописца заключается в удивительном умении объединить элементы живой разговорной речи и различных стилей литературного языка. Переводчики басен И. А. Крылова должны передать не только смысловые компоненты текстов, но и такие черты индивидуального изобразительного стиля, как выразительность, конкретность, динамичность описаний, естественность языка, на котором говорят герои. Сравнительный анализ оригинала и перевода необходим для выработки оценки степени функциональной адекватности и репрезентативности переводного текста. Различия в лексическом оформлении часто связаны не только с расхождениями языковых систем, но и с рецепцией оригинала

переводчиком на этапе ознакомления с ним. Именно она определяет конкретные решения, связанные с задачей воспроизвести условный семантический инвариант содержания в аналогичной первообразу форме при наличии некоторых отклонений от нее.

Объектом нашего анализа стали тексты басен И. А. Крылова «Любопытный», «Крестьянин и смерть» и «Пруд и река» и их переводы на болгарский язык, сделанные Георгием Райчевым, одним из тех, для кого интерес к творчеству Крылова был не эпизодическим, а постоянным, целенаправленным и плодотворным. Позиция переводчика находит проявление уже в сохранении или изменении исходного заглавия. Одно из них почти полностью повторяется: «Любопитният». Наличие членной формы имен в болгарском языке позволяет внести дополнительный семантический нюанс определенности – речь пойдет о конкретном любопытном человеке. Поскольку он изображен в стиле жанра как представитель распространенного в обществе типа людей, это дополнительно усиливает контраст единичное – общее. В других названиях изменения более существенны: «**Старецът и смъртта**» («Старик и смерть») и «**Река и блато**» («Река и болото»). В оригинальные заглавия вынесены главные антагонисты и участники диалога, предлагающего разные решения вопросов экзистенциального и философского характера: крестьянин, в унынии пеняющий «на свой рок» и зовущий смерть; пруд и река – обобщенные символы застоя, лени, ничегонеделания и движения, энергии, активного начала, ведущего к обновлению и развитию. В самом тексте социальный статус крестьянина не отмечен номинацией, но он присутствует опосредованно в собственных характеристиках и авторских обозначениях: *куда я беден!; нуждаюся во всем; бедняк; тащился к своей лачужке дымной*. Возрастной статус представлен два раза номинацией *старик*. В болгарском тексте признаки пожилого возраста появляются чаще: *старик, повяхнал* (увядший), *дядото* (дед); старость к тому же противопоставлена молодости: *До този час от ранна младост // не помня ни единичък ден на радост* ‘С ранней молодости и до сегодняшнего дня не припомню ни одного радостного дня’. Старость вообще в переводе относится к атрибутам смерти: *свирепа, стара*. В болгарском тексте встреча старика и смерти представлена в других параметрах: *едвам изрече, смъртта пред него се изпречи* (‘как только сказал, она встала на его пути, перегородила ему путь’). У И. А. Крылова видим: *Зовет он Смерть: она у нас не за горами, а за плечами*; смерть подстерегает крестьянина, подходит к нему сзади, поэтому и он, *увидев вдруг ее свирепую осанку*, оторопел. Автор опирается здесь и на известную русскому читателю пословицу: *Мысль (думы) человека за горами, а смерть (беда) за плечами*. Простая констатация безра-

достного существования в переводе снижает эмоциональную и образную выразительность риторического вопроса в тексте Крылова: *И выдался ль когда на свете // Хотя один мне радостный денек?* Более общая трактовка конфликта подчеркнута и обращением смерти к крестьянину: – *Защо ме призова, човече?* ‘Зачем ты звал меня, старик?’. Социальные корни, локальный и исторический контекст сюжета в трактовке Райчева даны в ограниченном объеме: *Как съм беден, боже мой! // Безкрайни нужди, а жена, дечица, пък данъците нямат брой...* – *Куда я беден, боже мой! // Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети, // А там подушное, боярщина, оброк...* Перечень конкретных повинностей крестьян заменен выводом: налогов не счесть. Семантические трансформации в переводе наблюдаются и в обратном направлении, в сторону развития линий, которые у И. А. Крылова даны в общих контурах с элементом недосказанности. У него старик зовет смерть, а Георгий Райчев дает этому действию вербальное выражение: *О, смърт, ела и прибери ме!* ‘О, смерть, приди и забери меня!’. В сторону большей конкретизации направлено добавление в известном послании этого текста: *Из басни сей // Нам видетъ можно, // Что как бывает жить ни тошно, // А умиратъ еще тошней. – Ако обсъдим тази басничка добре, // ще проумеем, // че както мъчно да живеем – // триж по е мъчно да се мре (триж ‘в три раза’).*

Замена пруда на болото в названии басни «Пруд и река», скорее всего, связана с задачей прагматической адаптации текста для восприятия другой национально-культурной аудитории. Пруд в языковом сознании болгар не связан с коннотациями застоя, более понятным для них является в таком значении образ болота (место с застоявшейся водой, обычно обросшее водными растениями, в переносном смысле – место духовного разложения). Пруд к тому же не так часто встречающийся в природе Болгарии водный объект. Асимметрия в восприятии подтверждается ассоциативным потенциалом номинации в русском языке для обозначения большого количества: *Пруд пруди*. Модификации здесь затронули и порядок расположения объектов в заглавии – носителей двух противоположных философий: *Река и блато* (в оригинале *Пруд и река*). Исчез в переводе и момент соседства двух антагонистов, предполагающий постоянное наблюдение друг за другом: *Веднъж блатото каза на реката* ‘Однажды болото сказала реке’. Ср. рус.: «*Что это, – говорил Реке соседний Пруд*». Близость подчеркнута фамильярным обращением *сестрица*, также не нашедшим места в болгарском тексте: *Неужли-таки ты, сестрица, не устанеш?* В другом месте перевода находим обращение *река* (отсутствующее в оригинале), указывающее на большую дистанцию в общении: *Погледай, аз съм по-добре от теб, река!* ‘Смотри-ка, река, я в лучшем по-

ложении, чем ты!'. (В оригинале: *В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!*). В словесном противостоянии речевая партитура пруда исполнена самодовольства, а местами она и откровенно ироничная, обвиняющая, оценочная, построенная на противопоставлении Я–ТЫ. Столкновение идей представлено И. А. Крыловым в ярких образах, и это важная часть системы языковых изобразительных средств. Переводчик стремился передать эту особенность, но с некоторыми семантически значимыми трансформациями: *А воды все твои текут! – Все течеш!* Форма множественного числа у И. А. Крылова создает впечатление большого количества воды: *То с грузом тяжкие суда, то долговязые плоты ты носишь. – Всеки ден по теб платната // на тежки кораби е вятърът развял, // или пък мъкнеш пълен сал.* Здесь перераспределены экспрессивные единицы: *долговязые* (признак длины) – *пълен* (полный); *тяжкие суда* – в болгарском переводе ветер развевает паруса тяжелых кораблей; *носишь* – *мъкнеш* ('волочить, переносить с усилием'); *Я, право, высох бы с тоски. – Аз бих пресъхнало от скръб* така; *Да это, право, все пустое. – За всичко туй не струва да се жали* ('об этом не стоит жалеть'); *Когда такую жизнь ты бросишь? – Нима не чакаш мир, покой!* ('Разве ты не ждешь покоя?'); *Что беззаботную заменит жизнь такую? – С какво ще замениш живот такъв блажен?* Образы пруда и реки связаны с определенным кругом лексем, описывающих два способа жизни: 1) тихую, спокойную, неактивную, до поры до времени хорошую, но с незавидным концом (*в илестых и мягких берегах – край тинестите, меки брегове; лежу и в неге, и в покое – в покой и нега стоя*; за ветрами – на завет; не движась – без да се подвижа; не будет и в помине – за тебе никой няма да се сети 'о тебе никто не вспомнит'; *глох – заглъхна; иссох – изсъхна; заволочен весь – покри го кал дълбока; зарос осокой – обрасна в тръст висока* (степень проявления признака); и 2) полную движения и труда (*с грузом тяжкие суда – тежки кораби; лодки, челноки – лодки; свежестъ, движение – преснота, вечно движение; веки течъ – дълго да тека през вековете; обилием и чистотою вод – с водата си обилна, прясна*).

Выбор лексических эквивалентов сильнее меняет семантические акценты именно в басне, чье название претерпело минимальную трансформацию – «Любопытный». Финал басни давно уже превратился в крылатую фразу «Слона-то я и не приметил» как символ неумения увидеть главное в явлении и невнимательности в его восприятии и оценке. Но это результат определенных действий героя, которые представлены в разных пропорциях в двух текстах. В оригинале: *Где ты был?; часа там три ходил, все видел, высмотрел; каких зверей, каких там птиц я не видал; а видел ли слона?; я, чай, подумал ты, что гору встретил; не приметил.* В переводе:

Къде си бил?; три часа бях в музея; срещнах там; срещнах там какви не зверове и птици; не съм видял; а слона срещна ли?; стоях, излязох ('вышел') и не забелязах ('не заметил'). Заметно преобладание глаголов движения и состояния в переводе (*быть* – 2, *встретить* – 3 словоупотребления), в оригинале – больше глаголов зрительного восприятия (*видел* – 3, *высмотрел*, *не приметил*). Единственное употребление глагола *встретить* связано не с действием посетителя кунсткамеры, а с предположением его собеседника. Глаголы *видеть*, *высмотреть*, *приметить* предполагают активность субъекта действий. Это подчеркнуто и дотошным пересчетом мелких насекомых, увиденных посетителем: *бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки, коровки*. В переводе этот ряд представлен скупом: *буболечки и мушкетеры*. Акцентируется глагол *срещна* ('встретить') – идя, увидеть кого-либо, движущегося с противоположного направления; столкнуться, найти, и увидеть при этом. Посетитель музея настроен на то, чтобы и увидеть, и встретить, натолкнуться (заранее не зная об экспонате), а посетитель кунсткамеры, первого в России публичного музея, собрания редкостей, диковинных предметов, стремится все увидеть своими глазами. Это два типа зрителей: один – более самостоятелен и активен, другой – более пассивен и невнимателен, но результат один и тот же: главного они так и не увидели. В переводе Г. Райчева есть и одна смысловая неточность, здесь головки насекомых как головки булавок, а у Крылова сами насекомые меньше их: *И с толкоз мѣнички главищи, същински топки на карфищи!* В оригинале: *Какие крохотны коровки! Есть, право, менее булавочной головки!*

Из проведенного анализа лексических структур текстов трех басен И. А. Крылова и их переводов, сделанных Георгием Райчевым, можно заключить, что в целом ему удалось донести до болгарского читателя особенности содержания и формы оригиналов. При этом есть случаи семантических и стилистических отклонений от текста, проявившиеся в выборе переводных функциональных эквивалентов, в экспликации возможного, но не прямо указанного автором развития смысла, в перестановке экспрессивных и образных доминант отрезков текста, в элиминировании лексики с национально-культурным компонентом, в модификациях заглавий, переформулирующих тему, философскую или социальную идею басни. Выявленные различия в языковом материале вызваны комплексом факторов субъективного и объективного порядка, главными среди которых являются: 1) индивидуальная трактовка расстановки и обособленности смысловых акцентов оригинала и 2) соображения вкуса и привычек новой болгарской читательской аудитории.